

296
К-407
РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

АРХИВ

А. Коллонтай.

РАБОТНИЦЫ, КРЕСТЬЯНКИ

И

КРАСНЫЙ ФРОНТ.

ЦЕНА 1 Р. 50 К.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
Советов Р., С., К. и К. Депутатов.
МОСКВА — 1919.

Ф 199139

7

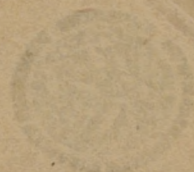
РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ
СОВЕТСКОГО НАРОДА

С. С. Соловьев

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ
СОВЕТСКОГО НАРОДА

№ 1

КРАСНЫЙ ФОРУМ

Тираж 1. В. Васильева и.ф. «Ломоносов». Москва, 1-я Тверская-Ямская, 2

88104-1

140" 396 K607 M

Красный фронт, работницы и крестьянки.

Нужны ли работницы Красному фронту?

Красный фронт—сейчас нерв жизни Советской России. Каждый день по его властному зову деятельные работники партии, Советских учреждений, комиссариатов покидают свои посты и, наскоро распрощавшись с соработниками, спешат, кто на север, кто на юг, кто на восток...

Им вслед, с некоторой завистью, глядят остающиеся в тылу женщины. Чем больше товарищей-мужчин уезжает, чем настойчивее звучит властный призыв Красного фронта к мобилизации всех сил, пригодных для его защиты, тем тоскливее на душе у сознательных работниц, горящих желанием стать полезными самому неотложному делу революции—защите красного знамени восставшего рабочего интернационала.

Можем ли мы быть полезными фронту? Есть ли нам место среди тех, кто находится на линии огня? Нужны ли работницы фронту, и если да, то в какой работе? Вот вопросы, которые волнуют многих работниц, которые встают и перед крестьянками деревенской бедноты.

На съезде работниц вопросы эти вызвали особенно оживленный обмен мнений; но все 1200 делегатов сошлись на одном: да, работницы и крестьянки не только могут быть полезными фронту, но и обязаны отдать ему наравне с мужчинами свои силы, энергию, всю свою самоотверженность, которой всегда богато было сердце женщины. И первый съезд работниц вынес резолюцию, предлагавшую работницам принять живое участие в жизни и работе Красного фронта. Такого решение представительниц почти одного миллиона женского трудового населения России, приславшего на съезд делегатов. Чем же вызвано такое решение? Разве работницы, и особенно коммунистки, вдруг сделались защитницами войны и военщины? Еще и года нет, как коммунистки стояли за немедленное прекращение мировой войны; еще и года нет, как работницы и крестьянки еще громче, чем сами изнуренные войною солдаты, требовали скорейшего ми-

ра... Что же случилось? Почему коммунистки вдруг стоят за войну, требуют не мира, а хлопочут о создании крепкого фронта? Почему работницы, крестьянки рвутся туда, где отважно сражаются и гибнут их братья-товарищи? Может быть, в самом деле правы враги большевиков, которые говорят, что у большевиков всегда так: одно на словах, другое на деле? Пока большевики не были у власти, они защищали лозунг «война войне», они убеждали солдат, что воевать незачем, что сознательный рабочий не должен подчиняться приказам, велящим ему рубить своего же брата—рабочего и крестьянина, только проживающего на другой земле. И говорили большевики складно, красно и убедительно.

Но встали большевики сами у власти, засели в Советах, глядишь—опять пошло старое! Наборы солдатские, фронтовая служба, война... Это все потому, что у большевиков слово и дело расходится.

Так говорят враги трудового народа. Правы ли они? Прежде, чем решиться идти на работу в помощь Красному фронту, прежде, чем разобраться, может ли она быть там полезна, надо каждой женщине неимущего, трудового класса вдуматься в это обвинение против большевиков и поискать на него ответа.

Война изменилась.

Обвинять большевиков, будто у них всегда дело и слово идут врозь, могут только либо те, кто намеренно клеветает, либо те, кто не вдумался в то, что совершается кругом.

А совершается многое. За год революции изменились жизнь и людские отношения не в одной только России, но и во всем мире.

И прежде всего изменилась война.

Каждый рабочий, каждая работница знает теперь, что та война, которую затеяли в своих интересах и ради своих карманных выгод капиталисты разных стран, была войной преступной и вредной для трудового народа. За время войны рабочий класс и мелкое крестьянство разорились, богатели лишь хищники, крупные капиталисты, спекулянты, поставщики. При поражении тяжесть поборов ложилась на трудящиеся классы, при победе выгоды получала бы лишь стоящая у власти буржуазия.

Большевики с первых дней войны, еще в 1914 г., правильно оценили ту войну, войну империалистическую, и старались всячески

убедить в этом рабочий класс всех воюющих стран. Зная, что трудовой народ ничего от этой войны не выигрывал, и видя, что каждый месяц затяжки мировой бойни во славу кошельков капиталистов и банкиров только еще больше разрушает производство и все народное хозяйство, грозит все новыми бедствиями—голодом, безработицей, дороговизной,—большевики и вели против войны агитацию, как в тылу, так и в самых окопах. Чтобы народ сам убедился, из-за чего ведется война, большевики во времена Керенских и Черновых требовали опубликования «тайных договоров». Большевики учили тогда солдат, что нет им основания мерзнуть в окопах, давать калечить себя и убивать своего же брата рабочего ради того, чтобы русские капиталисты, вместе с «союзниками», получили новые выгоды при победе. Большевики старательно поясняли тогда народу, что «защита отечества», «оборона революции» были только красивые, но пустые слова, которыми сначала царь и его слуги, а позднее Временное Правительство Керенского и других «соглашателей» туманило головы народа.

Защищать, оборонять в те дни рабочему и крестьянину было нечего. Земля еще находилась во власти помещиков. Власть в государстве—в руках буржуазии. Промышленностью, фабриками, заводами еще владели хозяева-капиталисты.

Спекулянты, банкиры, скупщики всякого рода еще имели полную свободу наживаться на народной беде, на голоде. Домохозяева-собственники еще тянули с мелких квартирантов львиную долю своих доходов. Обладатели процентных бумаг еще спокойно резали купоны и жили припеваючи на счет трудового пота рабочих и работниц.

Что же было защищать? Права, которых еще не было у рабочих? Власть, которая находилась в руках буржуазии и помещиков? Защищать рабочему классу в ту, прежнюю, войну было нечего. Обороняться не было смысла: «враг»—немец не мог бы больше эксплуатировать, выжимать из рабочего трудовой пот, чем это делал свой же «православный» соотечественник—промышленник, купец, помещик.

Надо было сказать правду про войну. И большевики ее сказали. За это большевиков особенно ненавидела буржуазия.

За это во времена Керенского их сажали в тюремные застенки.

Но правда оставалась правдой. И понемногу народ,—рабочие, солдаты, крестьяне—стал понимать, что это за война и ради

кого она ведется. А раз поняли—уже нельзя было заставить народ продолжать воевать во имя интересов капиталистов.

И настал конец прежней, империалистической войне.

Советская Россия честно иснала мира.

Народ, русский трудовой народ, рабочий и крестьянский люд не хотел воевать; он жаждал мира.

Стоило рабочим и крестьянам взять власть в свои руки и установить в октябрьские дни Советы, и первое, что сделала эта новая власть,—протянула братскую руку всем трудящимся народам, призывая их немедленно закончить братоубийственную войну.

Но в те дни во всех странах революционное брожение было еще слабо. Еще крепко сидел на своем раззолоченном троне Вильгельм и еще повсеместно заглушал левых социалистов хор социалистов-соглашателей. Юная Советская власть обращалась к трудящимся за поддержкой, ждала и верила, что революционным рабочим Германии и других стран удастся поднять народ свой против правителей, виновников войны. Но призыв к борьбе за всеобщий мир еще глухо отдавался в рабочих массах; рабочие еще не смели верить в свои собственные силы, еще крепко держала буржуазия мятежный дух рабочих в своих железных тисках... И отклик на призыв о мире Советской власти пришел не скоро.

Пришлось Советской России вступить в переговоры о мире не с представителями трудового народа, а с германским империалистическим правительством. Переговоры шли туго. Тянулись три месяца. Германские хищники вовсе не расположены были перековать «мечи на плуги». Напротив, чувствуя свою силу, они старались выторговывать побольше выгод для своих капиталистов, навязать мирно-настроенному советскому народу самые тяжелые условия мира.

«Не желаете воевать? Жаждете мира? Превосходно! Нам это на руку!» И генералы Гофманы, Кюльманы и К^о, не стесняясь, добавляли все новыми и новыми условиями и без того тяжелый для России мирный Брестский договор.

Германскому императору и всему его штабу вовсе не нравилось то, что приходилось заключать мир со страной, во главе которой стояли ненавистные всему буржуазному миру большевики; и потому, нехотя подписывая одной рукой мирный договор

с Россией, те же германские империалисты другой рукой сеяли смуту и вражду к России на Украине, разжигали «гражданскую войну» в Финляндии, поддерживали на юге России—на Кавказе, в Крыму помещиков и буржуазию против русских рабочих.

Брестский мир с Германией был заключен Советской Россией.

Но, значило ли это, что война прекращена, что настанут, наконец, светлые деньки мира и успокоения, о которых вздыхал измученный империалистической войной трудовой народ?

Нет. Капиталисты, шайка ненасытных хищников всех стран, позаботились о том, чтобы война продолжалась.

Но это была уже другая, новая война. Не война даже, если вдуматься в ее характер, а просто растянутая из страны в страну революционная баррикада.

Чтобы в этом убедиться, надо приглядеться, как и почему возникла эта новая война.

Н Т О   в и н о в н и к и   н о в о й   в о й н ы ?

Когда рабочие и крестьяне в октябре 1917 г. свергли власть помещиков и капиталистов, буржуазия, озлобившаяся, ошечившаяся, сначала просто притаилась и выжидала,—авось власть Советская не продержится и месяца, авось она рухнет сама собой. Не верилось буржуазии, что если она откажется помогать рабочим, если со всех государственных и общественных должностей уйдут чиновники, техники, учителя,—вообще интеллигенты,—рабочие и крестьяне все же смогут одни справиться со сложной государственной машиной. Но, когда русские капиталисты, помещики и собственники стали убеждаться, что с каждой новой неделей Советская власть не разрушается, а, наоборот, крепнет, когда они почувствовали, что рабочие и крестьяне не только на словах, но и на деле стоят «за равенство», за коммуны, когда Советы стали отбирать земли у помещиков, а народные комиссары издавать декреты о том, что хозяевами предприятий являются не господа капиталисты, а те, кто в этих предприятиях создает богатства и товары, т. е. рабочие и работницы, когда Советская власть стала преследовать спекулянтов и уничтожила доходы тунеядцев—собственников акций, домов и банков,—тогда обозленная и перепуганная буржуазия бросилась врассыпную от Красных столиц Советской России. Она бежала на Дон, на Украину, на Урал, в Сибирь. За ней следовали оборонцы—меньшевики

и социалисты-революционеры. Они все ненавидели Советскую Россию. Ненавидели за то, что в ней творилось нечто новое, неслыханное: Советская власть пыталась провести в жизнь тот святой лозунг «равенство и братство», который только для парада красовался на знамени буржуазных либералов. Советская власть осуществляла другое требование, за которое когда-то боролись меньшевики и социалисты-революционеры: кто не трудится — тот да не ест. Но то, что хорошо звучало в речах, то не правилось на деле ни меньшевиками, ни с.-р.

Вместо того, чтобы поддерживать рабочих и крестьян в трудные дни, когда жизнь в Советской России еще только налаживалась, они вместе с буржуазией кричали о том, что большевики губят Россию.

Получилось несогласие, рознь в самой России, внутри страны. С одной стороны большевики и все те рабочие, работницы и крестьяне, которые стояли крепко и твердо за власть Советов; с другой — буржуазия, весь озлобленный класс собственников и с ними меньшевики — оборонцы, социалисты-революционеры — соглашатели, да еще вся та часть крестьянства, рабочего населения и казачества, которая не сумела еще понять, на чьей стороне правда.

Россия разбилась на два лагера, тех, кто за власть Советов, т. е. за власть трудового люда, и тех, кто за власть капиталистов и собственников.

Борьба стала неизбежной.

Чем больше разгоралась ненависть русских капиталистов против Советской власти, тем острее становилась борьба.

Дутовы, Красновы повели наступление против Советской, трудовой России.

Что могли и должны были сделать сознательные рабочие и крестьяне? Сдаться на милость черно-белым генералам? Отказаться от Советов? Вернуть землю помещикам? Отдать снова фабрики капиталистам, дома — домовладельцам, вычеркнуть все те законы, которые должны оберегать интересы неимущих и защищать, охранять слабых? Нет, разумеется, этого сознательный рабочий класс сделать не мог. Рабочие и крестьяне решили отстаивать свою власть, власть Советов. А раз они приняли такое решение, — стала неизбежна новая война, сам собою создался новый фронт — «Красный» против «белой гвардии».

В образовании этого нового фронта, этой новой войны мно-

то повинны также иностранные капиталисты. Если германские империалисты одной рукой мирились с Советской Россией, подписывали мирный договор, а другой сеяли против Советской власти смуту на Украине, на Кавказе, в Финляндии, то не дремали и «друзья-приятели» наши «союзники», англичане, французы, американцы.

Пока союзники рассчитывали на то, что власть советов не прочна, что с большевиками справится сама русская буржуазия, до тех пор они, стиснув зубы, выжидали и даже пробовали заигрывать с Советской властью. Особенно хитрили американские империалисты. Это дельцы ловкие, дальновидные, они время зря не теряют. Хотя им большевистское правительство тоже не по сердцу было, но, думалось им, почему не использовать положение? Пока между трудовым народом и буржуазией идут распри, пока русская буржуазия оттеснена от кормила правления, пока не русские промышленники—хозяева над производством, почему не воспользоваться благоприятным моментом и не наводнить русский рынок своими собственными товарами?

И американцы, вместе с Вильсоном, забежали к Советской власти, выражали дружеские чувства, обещали доставить тот и другой товар, облагодетельствовали даже детей Красного Петрограда 300 тысяч банок сгущенного молока!

Но вся эта «дружба», все это фальшивое забегание перед Советской властью длилось только до тех пор, пока союзники не ушли, что Советская власть является грозной опасностью для империалистов всех других стран. Когда они убедились, что большевики «сидят крепко», что обозленная русская буржуазия, как бешеный зверь накидывающаяся на трудовую Русь то с Востока, то с Юга, не может справиться с большевиками, не может выбить власть из рук народа, тогда союзники переменили тактику. Снаружи, для видимости, они все еще сохраняли «дружеский союз» с Россией, но за спиной народа тайно и подло поддерживали его врагов, разжигали гражданскую войну. Другими словами, делали то же, что и империалисты Австро-Германий: одну руку протягивали Советской власти в знак «союзнчества», а другой сыпали золото на голову тех, кто шел с помещиками и буржуазией сражаться против Советов.

Руками английско-французско-американских капиталистов создан был чехо-словацкий фронт, гражданская бойня в Сибири, борьба с Советами на севере России от Архангельска и до Мур-

мала. Союзники всюду поспевали, где им чулся враг Советской власти. К услугам этих врагов, этих темных сил, ненавидящих новую, рабоче-крестьянскую Россию являлись вышколенные английские и французские инструктора—офицеры, подвозились снаряды и ружья, сыпались деньги и доставлялись на американских океанских судах продукты и товары.

«На-те, получайте! берите! пользуйтесь, братья дорогие, русские помещики и капиталисты!... Только, не жалея сил, бейтесь с Советской Россией. Изгоните большевиков, а там—мы уж как-нибудь мирком да ладком поделим общую добычу—русский рынок. Лишь бы большевиков убрать, да немцев до лакомого кусочка—русского рынка—не допустить».

Так напевали союзники русской буржуазии, помогая ей строить белогвардейский фронт, разжигая пожар гражданской войны.

Советская Россия хотела мира; крестьянин после демобилизации, роспуска армии в феврале надеялся спокойно вздохнуть и мирно взяться за плуг. Рабочий, скинувший солдатскую или матросскую шинель, спешил на фабрику, на завод, чтобы помочь заводскому комитету и Совету Народного Хозяйства наладить промышленность и поднять производительность страны.

Работницы думали о том, как организовать ясли, дома материнства, как облегчить вообще жизнь женщины трудового класса. Советская Россия стремилась к одному: начать строить жизнь по новому, по светлому, по справедливому, по коммунистическому.

Но не тут-то было!

Русские капиталисты, опираясь то на германские штыки, то на материальную помощь союзников, опоясали Советскую Россию крепким бело-гвардейским фронтом. Во главе—помещики, собственники, буржуазные сынки, офицерство царское, за ними насильно мобилизованные, либо одураченные, обманутые казаки, крестьяне, городская беднота... Союзники и германский штаб Вильгельма одинаково приложили руку к тому, чтобы обратить прежнюю войну, войну империалистическую, в новую, затяжную, кровавую, тяжелую для народа войну—в о й н у г р а ж д а н с к у ю.

Русские рабочие и крестьяне хотели мира, но враги трудового народа повели так, что получился новый фронт и новая война.

Но разве не ясно каждой работнице и крестьянке, каждому рабочему и крестьянину, что это уже не прежняя война, не та, что начал Николай с Вильгельмом и продолжало Временное

Правительство? У этой войны не только другая причина, но цели и задачи ее иные, непохожие на те, что защищали войны хищников—империалистов.

Чтобы в этом убедиться, надо ближе присмотреться, чем новая война отличается от прежней.

В чем разница?

Разница прежде всего в том, что раньше, при империалистической войне, резали, кололи, стреляли, убивали друг друга товарищи, братья—рабочие, хотя и говорящие на разных языках. Сейчас борьба идет не между братьями, а между поистине непримиримыми врагами, между двумя враждебными силами: трудом и капиталом.

Жутко, несправедливо было во время империалистической войны то, что русский рабочий должен был убивать такого же рабочего, такого же раба капитала, только немца или австрийца. Страшно и нехорошо было во время прежней войны то, что германскому крестьянину приходилось разорять деревню такого же, как он сам, землероба русского, французского, бельгийского. Не враги, а братья сражались друг с другом по повелению правителей и капиталистов.

В теперешней, новой войне картина другая. В новой войне объединились против рабочих и крестьян все сытые, власть имущие, вся буржуазия, собственники, помещики, чтобы вернуть себе ту власть над Россией и над народом, какой они лишились после октябрьской революции.

Если б в те годы, когда шла война империалистическая, нашлась бы какая-то сила, которая взяла бы да и прекратила войну в один миг,—солдаты армии германской, русской, французской, английской мирно разбрелись бы по домам. Солдаты не питали вражды друг к другу и делить им было нечего, сражающиеся армии только обрадовались бы, что не надо взаимно истреблять друг друга. Какая была рабочему, крестьянину в прежней войне корысть от победы? Вся выгода досталась бы все равно не ему, а враждебному, буржуазному классу. Иное дело сейчас. Если б даже удалось каким-либо чудом уничтожить красный и белый фронт, заставить рабочих и крестьян примириться с помещиками и капиталистами, то этим борьба между ~~обоими~~ сторонами не могла бы прекратиться. Опять помещик

стал бы угнетать крестьянина, опять фабрикант стал бы наживать капиталы за счет труда рабочего и работницы. И борьба между ними шла бы все обостряясь, пока снова дело не дошло бы до выступления народа, до кровопролития, до войны. Такая война, война классовая, гражданская исчезнет только тогда, когда победа останется за трудовым народом, т. е. когда по всему миру проведено будет истинное равенство — коммунизм.

Но этого то и боятся, этого — то и не хотят допустить русские помещики и капиталисты, и потому организуют они свои белогвардейские полки, и потому генералы Красновы и Деникины нападают на свою «родину-матушку» — на Россию. С тех пор, как Россия стала Советской, — она для них ненавистнее самого лютого врага.

Не ясно ли работницам и крестьянкам, что сейчас на линии огня, на фронте, борются истинные враги? Не ясно ли, что в этой новой войне каждый рабочий и работница, каждый крестьянин и крестьянка заинтересованы в победе? Победа означает то, что трудовой народ останется хозяином России и сможет построить жизнь по-новому, во благо трудящихся. Поражение, напротив, несет неминуемо восстановление старой кабалы. Может ли поэтому быть примирение между трудящимся людом и хищниками — богатыями, пока не сметены, не разогнаны их белогвардейские полки, пока не укреплена повсеместно власть рабочих и крестьян?

Есть еще другая сторона, которой современная война отличается от прежней, империалистической войны; это ее цели, ее задачи. Препняя война, война империалистическая, — это война грабительская, разбойничья. Ее цель — завоевать новый рынок, покорить власти отечественного капитала какую-либо страну, поработить побежденный народ. Правда, грабительские, буржуазные правительства любили окутывать даже самую разбойничью войну красивыми словами: война освободительная, война в защиту родины. Но на деле задачи войн капиталистических, империалистических были много проще: вопрос шел всегда лишь о дележе добычи на мировом рынке между капиталистическими различными странами, о господстве одной разбойничьей, капиталистической державы над другой.

В Америке лет пятьдесят тому назад с небольшим была одна война, которая похожа на то, что происходит сейчас у нас в России. Ее так и зовут до сих пор: гражданская война.

Это была война за освобождение негров, которая велась между северными и южными штатами (губерниями) Америки. Тогда также воевали друг с другом граждане одной страны, единоверцы, соотечественники; американец шел на американца, как сейчас на фронте у нас русский идет на русского. Тогда, в гражданской войне Америки, дело также шло не о завоеваниях новых земель или рынков, а о том, кому быть хозяевами в стране: помещикам ли, рабовладельцам, плантаторам, которые обрабатывали свои земли трудом невольников, негров, или промышленной демократии, стоявшей за свободный, хотя и наемный труд? Промышленная демократия северных штатов понимала, что уничтожение рабского труда необходимо для того, чтобы промышленность Америки могла развиваться и процветать. Помещики-плантаторы же цеплялись за свое право владеть рабами и богачесть на крепостной, подневольный труд негров. Победили северные, промышленные штаты. После двух лет кровопролития, после тяжелой гражданской войны, негры получили свободу, а промышленная демократия добилась господства наемного труда по всей Америке. Начиная с этого времени, в Америке развитие промышленности стало делать быстрые успехи, перегоняя рост промышленности всех других стран. Постепенно даже те американцы, которые стояли за подневольный труд негров, начинали признавать, что как ни разрушительна, как ни тяжка была двухлетняя гражданская война,—цель, которую она преследовала, была правильна. Если б промышленные штаты не победили южных плантаторов и подневольный, рабский труд негров продолжал бы существовать, Америка никогда не достигла бы той высоты промышленно-капиталистического развития, каким она гордится сейчас, не богатели бы страна так, как она сейчас богатеет. Нет, недаром шли американцы северных штатов против американцев южных штатов, против рабовладельцев—помещиков!.....

В Америке гражданская война велась за освобождение негров от рабства, от неволи. Сейчас у нас в России идет война также за освобождение, только не негров, а многомиллионного населения наемных рабов капитала—рабочих от неволи капиталистического господства. Но между гражданской войной в Америке и гражданской войне в России та великая разница, что тогда борьба велась между двумя классами, которые оба заинтересованы были в сохранении частной собственности и эксплуатации труда,

только в разной форме. Промышленная буржуазия севера боролась с плантаторами—помещиками юга для того, чтобы искоренить малопродуктивный труд раба и заменить его тоже подневольным трудом, но уже «свободного» пролетария. После гражданской войны в Америке исчезло рабство негров, но осталось рабство наемного труда и, следовательно, угнетение одного класса другим, борьба за существование, борьба на рынке труда, конкуренция капиталистов, банкротства, кризисы, безработица, погоня за наживой, за колониями, наконец,—войны, т. е. все те темные стороны, которыми характеризуется и отличается капиталистический строй.

Гражданская война в Америке только передвинула власть из рук одного класса—эксплоататоров—в руки другого класса.

Гражданская война, которую приходится переживать нам,—это война не за переход власти из рук одного класса населения в руки другого, чтобы новый класс, ставший у власти, мог угнетать какой-либо слой населения,—нет, это—восстание последнего раба, последнего в истории человечества невольника—пролетария, против рабства наемного труда, против власти и населения капитала. Война идет за то, чтобы раз навсегда, на все будущие века и поколения покончить с зависимостью рабочих и деревенской бедноты от насилия кулаков, хозяев—промышленников, банкиров и помещиков. Не новое насилие, угнетение и закрепощение сулит какой-либо части населения победа «красного фронта» и осуществление коммунизма, а наоборот—раскрепощение всего человечества от материальной зависимости, истинную свободу духа, радостный, творческий и свободно-избранный каждым труд на пользу коммуны, общества, мирового братства рабочих и рабочих.

Гражданская война сейчас—это первая в истории человечества война, которая ведется не ради захвата земель, не ради грабежа чужого народа, не во имя интересов той или иной шайки эксплуататоров, а с единственной целью: навсегда освободить рабочего от рабства капитала, навсегда избавить крестьянина бедноты деревенской от кабалы, кулачества и помещичьего засилья. От исхода этой войны зависит: быть или не быть человечеству свободным? Быть или не быть на земле истинному равенству и жизни дружеской, братской, трудовой коммуной?

Может-ли сознательная работница или рабочий после того

еще колебаться: нужно или не нужно напрячь все силы для победы «красного фронта»?

Есть что защищать!

Но, может-быть, скажут некоторые менее сознательные работницы и крестьянки: теперешняя война не похожа на войну прежнюю: задачи ее, другие, цели другие, — все это верно! И все-таки война открывает у меня мужа-кормильца, она берет у меня сына, брата, жениха. Цели войны когда-то там в будущем будут достигнуты, а горе мое живое, сегодняшнее. Истрадалась, изболелось женское сердце за четыре с половиной года войны. Опостылела судьба «солдатки».... Не оправился народ от войны царской, теперь терпи войну гражданскую, войну Красной армии с белой гвардией помещиков и капиталистов. Опять мобилизация, опять солдатские наборы!....

И с этими думами—скорбями заползает в сердце одно лишь желание: скорей бы конец войне, пусть бы победили, разбили нас немцы, англичане, белогвардейцы—не все-ли равно? Только бы отдохнуть! Только бы вздохнуть полной грудью!....

Напрасные надежды! Жестоко ищцаются те женщины, которые думают, что если гражданская война закончится новой победой капиталистов, трудовому народу удастся вздохнуть полной грудью. Прежде всего пусть поглядят работницы на живой пример, как победившая буржуазия расправляется с рабочими и всей беднотой в тех местах, где ей удастся разбить наш Красный фронт и захватить власть. Что творилось в Финляндии, на Украине, в Поволжье, когда эти места занимала белая гвардия капиталистов,—этого не передать словами!.....

Озверевшая буржуазия выжигала целые селения, вырезала все население, не щадя ни детей, ни женщин, мучила, казнила, расстреливала, вешала солдат и рабочих Красного фронта.... Те, кто пережил нашествие и победу белой гвардии и врагу не пожелают таких новых «хозяев»!.....

Когда во времена империалистических войн буржуазия призывала солдат стойко «защищать отечество»,—это были лживые, лицемерные слова. В тех странах, где хозяевами остаются собственники, буржуазия,—там рабочим нечего защищать, так как и терять им нечего. Там родина неимущего, трудового люда не родина, а мачеха злая.

Но дело меняется с той минуты, когда сами рабочие и крестьяне держат власть в государстве в своих руках. Тут им есть что терять, тут есть и что защищать.

Сейчас, при гражданской войне, дело идет уже не об обороне страны, а о самообороне восставшего, угнетенного класса.

Пусть вдумается каждая работница, что рискует потерять трудовой народ в России, если ему не удастся отстоять при помощи «красного фронта» своего красного, революционного знамени.

Что произошло бы, если бы победила белая гвардия?

Первое, что сделали бы победители,—это уничтожили бы, разогнали Советы. На место Советов они утвердили бы диктаторов или уродливое, устарелое представительство народа в парламенте. Само собою разумеется, что они «почистили бы» и всех служащих в Советах, в Комиссариатах и других учреждениях и на место представителей рабочего класса посадили бы своих людей—чиновников.

Второе, что они сделали бы—это поспешили бы отобрать силой у крестьян землю и отдать ее помещикам, как делало правительство Скоропадского на Украине или царь Сулькевич в Крыму. Разумеется, не забыты были бы также банкиры и промышленники-хозяева: фабрики, заводы они вернули бы «хозяевам», банки—банкарам; рабочих из особняков и теплых, сносных квартир они заставили бы вернуться в подвалы и сырые конуры. Этого мало: они отменили бы все декреты, которые облегчают участи неимущих и укрепляют права трудящихся. В судах снова заработали бы законники буржуазного толка, из школ повыгоняли бы учителей-коммунистов, спешно насадили бы по городам и селам полицию, ввели бы всякие строгости, шпионство, доносы, чтобы не развелась «крамола», чтобы вырвать с корнем, задушить в зачатке недовольство рабочего люда.....

О борьбе за лучшие условия жизни, о свободе рабочим пришлось бы забыть. Кулаки, поглаживая свои холеные бороды, снова господами разгуливали бы по деревням; снова пришлось бы крестьянской бедноте в ногах у кулака валяться, умоляя отсрочить уплату по долгу. Капиталисты, в щегольских шубах, опять раскатывали бы по городу «на собственных» автомобилях и рысках. В ресторанах снова шел бы ночной кутеж богачей—тушеядцев, в то время как народ, трудовой народ, скованный новым безправием и зависимостью от хозяев, изнемогал бы по-

прежнему от голода, холода, нищеты, безработицы.... Попы спешили бы набить себе карманы, призывая народ замалчивать «грехи» и ждать милости Божией. А империалисты иностранной державы, которые помогли бы русской буржуазии снова очутиться у власти, беспощадно облагали бы прямыми и косвенными поборами крестьян и рабочих разбитой Советской России...

Тьма и горе, бесправие и новая зависимость от капитала тяжелой тучей заслонили бы солнце свободы от всех трудящихся.

Кто пожелает, чтобы такая картина сбылась?

Только враг рабочего класса!

Не отечество свое защищают сейчас солдаты Красного фронта, а нечто большее: великие завоевания пролетариата, добытые кровью героев-борцов октябрьской революции.

Всего больше потеряли бы женщины.

Но больше всего потеряли бы женщины, если вернулась бы прежняя власть капиталистов. Революция завоевала женщине такие права, каких она не имеет ни в одном государстве.

Если бы хозяевами в России очутилась снова буржуазия, она первым делом урезала бы права женщин. Буржуазии не выгодно равноправие женщин, ей не выгодно, чтобы число голосов трудящихся при всяких выборах и голосованиях увеличивалось бы участием женщин; ей не выгодно, чтобы женщина перестала быть выучным рабочим скотом в семье и рабою мужа. Буржуазия чувствует, что, если женщины примкнут к политической борьбе и к общественной жизни,—она, буржуазия, потеряет последний оплот в рабочем классе. Во всех капиталистических странах буржуазия всегда держала ум и сердце женщин в своих руках, пользуясь влиянием попов, обманывая женщин при помощи буржуазных газет, полных лжи и клеветы.

Только в Советской России работница и крестьянка получили те же права, что рабочий и крестьянин. Она может выбирать в Советы, во все комитеты и коллективы, она может занимать любую ответственную должность в государстве наравне с мужчиной. Все двери общественной и государственной жизни открыты перед женщинами.

Но этого мало. Советская Россия заботится о том, чтобы снять с женщины оковы последнего ее рабства и закрепощения—бремя домашнего хозяйства и непосильной сейчас для рабочей

621661/2

КНИЖКА
ПОДАРОК
ПОЛИТЕХНИ

семьи заботы о воспитании детей. Советская Россия занята сейчас устройством домов материнства, яслей, колыбельных, детских домов, детских столовых и т. д. Налаживаются домашкомумы, организируются общественные столовые и центральные прачешные. Коммунистическая Россия стремится избавить женщину от непроизводительной траты сил на домашнее хозяйство, на вечную, опостылую возню за домашним очагом. Нашествие врагов, буржуазии, смело бы без остатка все эти начинания, или прибрало бы все построенные учреждения к своим рукам и совершенно исказило бы их дух. Возвращение буржуазно-капиталистического господства грозит снова захлопнуть перед женщиной двери, ведущие к свободе и равенству полов.

Пусть же подумают работницы и крестьянки, — те, которые все еще не отдают себе отчета, зачем существует Красный фронт и за что он борется, нужно-ли женщинам поддерживать фронт? Пусть ответят себе: есть-ли им что терять?

Каждая сознательная женщина рабочего класса, призадумавшись, скажет, что для женщин было-бы великим горем возвращение власти господ, что как бы сейчас тяжело ни жилось, старая, прежняя жизнь при «барах», при господстве и издевательствах хозяев заслуживает одного проклятия.

Поэтому поддержка фронта является делом не одних мужчин, но и делом работниц и крестьянок.

Что могут сделать работницы и крестьянки Красного фронта.

Та работница и крестьянка, которые поняли, что сейчас идет уже не империалистическая война, а мировое восстание пролетариев против власти капитала, найдет ответ и на вопрос: куда и как приложить свои силы, чтобы быть полезной Красному фронту.

Работы много! И каждая женщина рабочего класса сможет найти себе труд по сердцу, по душе. Первое, где могут приложить свои силы сознательные работницы, это — в деле агитации, на прифронтовой полосе. Для успехов армии крайне важно, чтобы в тылу армии, в полосе, близкой к фронту, армия окружала искреннее и горячее сочувствие населения. Много вреда наносит армии темнота, несознательность населения, окру-

жающего фронт. Если крестьяне и мелкий городской люд в местечках прифронтовой полосы не знает, не понимает ясно, что такое власть Советов,—кулаки и вся местная буржуазия пользуются темнотой народа, чтобы натравливать его на Красную армию. Население начинает смотреть тогда на красноармейцев, как на «чужаков», которые пришли сюда по чужому делу, объединяют местных жителей, вносят в застоявшуюся жизнь местечка непривычные нравы, толкуют о коммунизме, подбивают бедняков держать глаз за «богатеями»..... Особенно ненавидят красную армию кулаки, купчики, попы. Какие только сплетни не пускают они про советские полки, пользуясь всяким неблагоприятным поступком отдельного солдата, чтобы раздуть это в событие и показать населению, что красноармейцы—все насильники, грабители, воры, пьяницы.

«Что? Видите? Не говорили-ли мы вам, какова хваленая Красная армия!»—кричат, захлебываясь, местные воротилы после каждого такого случая. «Погодите, еще не то будет, когда большевики у нас утвердятся». И народ, не умеющий еще разобраться, что нельзя смешивать задачи и великие цели Красной армии отдельными нехорошими и даже преступными поступками недостойных солдат этой армии, верят словам врагов рабочих и сами начинают относиться враждебно к той армии, которая самоотверженно защищает их же интересы, дело всех трудящихся.

Женщины в прифронтовой полосе особенно много приносят вреда своей неосознанностью. Женщины всегда больше, чем мужчины, боятся всего нового и непривычного. Им хотелось бы жить всегда «по старинке». Большевики всего больше пугают их тем, что они хотят устроить жизнь «по новому», пусть даже лучше, чем было раньше, а все-таки «по новому», по непривычному!...

Получается нехорошая картина: сам народ вредит делу своего освобождения от власти помещиков и капиталистов. Вместо того, чтобы оказывать помощь красной армии, крестьянки, женщины городского неимущего люда, по темноте своей, помогают врагу. Они скрывают дезертиров, оказывают услуги «белому» фронту, несут врагам на продажу провизию, хлеб.

«А чем он враг?»—по неразумию спрашивают женщины. «Не немец и не нехристь, такой же крест на груди носят, как и у меня, грешной, значит не враг, а свой брат—православный».

Много надо терпения и умения, чтобы таким отсталым и темным женщинам растолковать, кто враг, а кто истинно «свой».

брат» и друг трудящихся. Пока поймут женщины, что такое «белая гвардия», пока разберутся, за что воюет Красная армия и что она защищает!

Вот на такую-то работу—агитацию среди населения при фронтовой полосе—пригодились бы силы работниц-коммунисток и сочувствующих. Для этой работы не надо быть непременно оратором,—нет, тут работа скромная, незаметная, а важная и нужная. Сознательная работница, которая сама работала в Советах, которая понимает, что от исхода борьбы на фронте зависит: победят ли рабочие или их задавит мировой капитал—сумеют в простых и искренних словах разъяснить крестьянкам и темным женщинам городской бедноты, кто враг и кто друг и кому должна сочувствовать и помогать женщина трудящегося класса. Находясь в прифронтовой полосе, агитаторши-работницы будут изо дня в день толковать с крестьянками и городским неимущим людям с тем, что это за война? За что она ведется? Кто ее виновник? Почему важна победа советских красных войск для рабочего класса? Что дает народу власть Советов и что потеряет народ, если вернется буржуазия?

Но агитировать словом—мало. Надо, чтобы агитаторши помогали коммунистам на месте насаждать и организовать новую, более справедливую жизнь. Там, где местность заново занята советскими войсками, придется не только создать Советы, но и позаботиться о том, чтобы в члены Совета прошли работницы или крестьянки. Этим наносится удар старым предрассудкам и на деле показывается, что коммунисты стоят за исправление женщины. Чем скорее удастся агитаторшам помочь наладить жизнь по «Советскому», взять продовольствие на учет, отобрать, конфисковать лишнее у деревенских и городских богатеев, установить свой контроль на местных предприятиях, позаботиться о безработных, переселить рабочих из подвалов и хибарок в жилые помещения, открыть ясли, столовые, дома материнства, приюты для стариков, тем скорее население разберется, за кого ему стоять: за красный или за белый фронт? Рассказы же о том, что коммунисты заботятся о трудовом, неимущем люде, не забывают детей, женщин и стариков, на крыльях людской молвы перелетят в местечки и села, занятые белогвардейцами. От этих рассказов еще тошнее станет всему трудовому люду жить под игом помещиков и капиталистов. Вме-

сто опоры, поддержки враги Советской России будут тогда встречать со стороны населения отпор и недоброжелательство.

Таким способом борьба, тяжелая борьба Красной армии будет ей облегчена и этому облегчению могут и должны способствовать сознательные работницы.

Широкая, нужная, полезная работа открывается перед женщинами неимущего класса. Пусть же поспешат работницы связаться с Красным фронтом и пусть те, кому эта работа по сердцу, записываются в ряды агитаторш прифронтовой полосы.

Работа санитаров.

Есть еще другая работа, которая естественно выпадает на долю женщин в деле оказания помощи и поддержки Красному фронту. Эта работа женщин—в санитарных отрядах.

Не всем женщинам по душе агитационная работа. Есть такие, которым больше по-сердцу не поднимать народ против царящего в мире зла и несправедливости, а утешать, лечить, заботиться о всех пострадавших: этим работницам и крестьянкам есть куда приложить свои силы: Красный фронт нуждается в пролетарских сестрах милосердия, в сознательных и преданных делу рабочего класса санитарках.

Есть много сестер, оставшихся еще от прежней, царской войны, многие из них не у дел, без работы.—У них есть опыт, есть и знания. Зачем же призывать в санитарное дело менее умелых и менее подготовленных работниц? Так могут спросить те, кто не вдумался в задачи и работу санитарки.

Много-ли сестер царской войны могут быть в самом деле полезны «Красному фронту»? Все ли эти сестры пригодны для выполнения той задачи, которая возлагается Красным фронтом на красную санитарку?

Новая война, война—восстание угнетенных против угнетателей, требует и новых по духу людей. Прежде всего: из кого вербовались в царскую войну милосердные сестры? Много женщин буржуазного класса нацепляли на себя красный крест и облекались в белую косынку потому, что война была их война, война в интересах капитала. Во главе общин сестер чаще всего стояли княгини, графини, всякие титулованные особы. И дух у сестер был определенный: за царя, за буржуазное отечество. «Свободомыслящих» сестер не терпели. Им не было места в

лазаретах и госпиталях царского режима. Строгая слежка была установлена за сестрами, чтобы они не вздумали вести агитации среди раненых и больных солдат. Чуть сестра оказывалась «полевее», ее немедленно удаляли. Если и попадали среди сестер представительницы необеспеченного класса, которые шли на эту работу из-за куска хлеба и видели все, что творится нехорошего, несправедливого в лазаретах, то им буржуазные сестры не давали слова молвить, а в случае неподчинения воле графинь или княгинь, попросту их расстреливали.

Потому и получилось, что среди сестер оставались только «благонадежные», т. е. те, кто стоял за царя, за попа, за промышленника.... Сейчас эти сестры, все еще проникнутые старым духом, непригодны для Красного фронта. Нет к ним доверия со стороны солдат. Служат сестры старого призыва Красному фронту, а в душе тоскуют о прежнем времени.... Все им «чужое» в советских войсках!.... У солдата с этими сестрами нет общего языка, нет дружбы, доверия, понимания.

«И ей о Советах, о том, как мы богачей поприжали, а они мне о Боге толкуют!»—жалуются раненые. А раненому нужно не только, чтобы сестра умела ловко и безболезненно перевязать его рану, но чтобы она знала также, как дух его слабеющий поддержать, как мысли его направить так, чтобы среди боли и муки забыть о себе самом и помнить только о великом деле, жертвою которого он пал. Надо, чтобы у сестры был доступ к сердцу красного солдата, чтобы она знала, какие задеть струны его души, чтобы даже в час смертельной тоски вдруг светлой радостью, как снопом солнечных лучей, озарился его умирающий дух.... Надо, чтобы «красная сестра» умела показать умирающему брату-солдату, что он—народный герой, погибающий за великое дело освобождения своего класса. Красному фронту нужны санитарки, которые не только знали бы медицинское дело, но которые вместе с тем были бы верными товарищами в борьбе за дело освобождения рабочего класса.

Сестра не только санитарка, она невольно является и агитатором; сестры, душой своей преданные буржуазному строю, могут сослужить плохую службу Красной армии, сея вредные мысли среди солдат, восстанавливая их против власти Советов. Наоборот, сестра-коммунистка может не только словом, но еще больше своим собственным примером привлекать сердца солдат к коммунизму, воспитывать душу раненого в любви к

светлым идеалам равенства, за которые борется рабочий класс.

При царизме не мало было среди сестер таких, которые ехали на фронт, чтобы найти себе жениха или приятно, в офицерской компании, провести время за вином и ужинами. Не даром столько заразных венерических болезней отравляли армию и служат и сейчас еще угрозой для населения всех втянутых в войну стран.

Санитарка-коммунистка должна со всей серьезностью отнестись к своим обязанностям. Она должна сознавать, что она прежде всего—то же «солдат на посту», что ее дело не только ухаживать за ранеными, но и всем своим поведением показывать, какая разница между отношением к своим обязанностям со стороны санитарки царского времени и сестры-коммунистки. Задача красной сестры—научить уважать каждую санитарку, как человека и товарища. Только укрепляя дух товарищества между красноармейскими солдатами и сестрами, только научая их глядеть на женщину, как на человека, выполнят красные сестры свой долг перед великими задачами нашей коммунистической партии.

Но мало того, чтобы самим идти на фронт в качестве сестры, работницы могут взять на себя еще одну большую и важную заботу: наладить дело санитарной помощи Красному фронту. Скрывать нечего—дело это до сих пор недостаточно налажено. Хромает оно и по недостатку лекарств, и потому, что нет всех технических приспособлений, какие необходимы для облегчения страданий раненых, для операций и т. д.; хромает санитарное дело и, потому, что в этой работе ощущается недостаток в преданных и дельных работниках. Женщины могли бы тут многое сделать. Когда-то, во время знаменитой Крымской войны, в середине девятнадцатого века никто иной, как женщина, англичанка Флоренс Найтингель, положила основу международной санитарной организации помощи больным и раненым солдатам, устроив Красный Крест. Эта смелая и самоотверженная женщина, не боявшаяся никаких опасностей и затруднений, настойчиво добивалась проведения в жизнь своей идеи. И старания одной энергичной и самоотверженной женщины дали свои результаты:

Красный Крест вошел в жизнь, обратился в международное учреждение, хотя и чисто буржуазного духа.

Сейчас в деле налаживания санитарной помощи много препятствий и затруднений. Но неужели же героизму многих тысяч работниц-санитарок не преодолеть те трудности, какие стоят на

пути к созданию правильно оборудованной санитарной помощи Красному фронту? Для этой цели красные сестры могли бы использовать уже имеющиеся налаженные учреждения Красного Креста, союз сестер—санитарок и т. п. Разумеется, коммунисткам пришлось бы произвести соответствующий подбор людей, устранив негодные или даже вредные элементы. Есть и сейчас среди сестер такие, которые принадлежат к трудовому классу, которые при старом режиме молчали и терпели, боясь лишиться куска хлеба, и сейчас искренно сочувствуют борьбе рабочих за свое освобождение. Их сердце еще полно ненависти к сестрам-угнетательницам, которые при царизме самовластно правили общинами, в их душе еще живы раны от перенесенных обид и унижений; их ум подготовлен к тому, чтобы воспринять учение коммунистов. Поэтому коммунистки-санитарки должны в первую голову позаботиться о том, чтобы среди этих сестер повести агитацию и пропаганду, просветить их, направить на путь коммунизма. Надо уметь использовать имеющиеся налицо технические силы, и тогда красным сестрам легче будет справиться с санитарной помощью Красному фронту. Надо лишь одно—энергию и неутомимое желание работать, страстную веру в нужность своего дела, какая одухотворяла Флоренс Найтингель и помогала ей преодолевать все трудности и препятствия при основании международного Красного Креста.

Красный фронт ждет помощи со стороны сознательных работниц. В ответ на призыв Красного фронта работницы и крестьянки, готовые взяться за нестложное, нужное дело помощи раненым, страдающим товарищам, должны спешно стать на работу, с одним твердым решением: создать из санитарной помощи при Красном фронте такую образцовую организацию, какой позавидуют все буржуазные Красные Кресты!

Хозяйственная часть на фронте и работница.

Есть еще третья работа для красного фронта, в которой именно женщина может быть полезна и где пока еще ее силы очень мало использованы. Это—заведывание всей хозяйственной, интендантской частью на фронте.

Кто станет спорить, что в хозяйстве женщины опытнее мужчин? Знать, что и сколько надо закупить, знать, на чем возмож-

но экономить, знать, сколько потребуется вещей к зиме, а сколько к лету, держать все предметы хозяйства на строгом учете и в строгом порядке,—разве это не обычная женская забота? Заставьте любого деловитого мужчину, умелого и расторопного в другом деле повести домашнее хозяйство, и он первый замахает руками: Нет, уж избавьте! В этом деле я как в лесу!...

Но как же так получается, что, если мужчина не берется справиться с маленьким делом домашнего хозяйства,—он уверен, что в деле управления делами хозяйственной, интендантской частью для всей армии он один с этим справится? Почему к этому делу не привлечь работников? Опыт многих веков научил женщину особой хозяйственной смекалке, порядливости, изворотливости.

Женщины, особенно работницы, умеющие наводить экономию в собственном хозяйстве, сумеют избежать и лишних, ненужных трат на фронте, сумеют один настоящий материал заменить другим, сумеют обойтись без тех предметов, которые, по мнению мужчины, необходимы. Из того же запаса провизии женщина скорее сочинит разнообразные блюда, потому что ей и на дому приходилось зачастую готовить обед «из ничего». В хозяйстве женщина предусмотрительнее мужчины; она начнет запасать теплую одежду на зиму солдатам, еще когда жарко печет летнее солнце, и в зимнюю стужу будет уже прикидывать в уме: куда лучше убрать полушубки и валенки, чтобы моль их не поела? Она будет из сил выбиваться, чтобы до-сыта накормить солдат, так как в каждой женщине сильно чувство материнской заботливости о тех, кто отдан на ее попечение. Она не будет доверять ключей от интендантских складов ненадежному человеку, потому что обычное свойство домовитой хозяйки—бережливость и страх за вверенное ей добро. Она будет следить за тем, чтобы сданный ей инвентарь был цел и в сохранности и будет гордиться образцовым порядком и чистой в складах, как гордилась аккуратно сложенным на полках своего шкафа бельем. Она будет сама пересчитывать ящики, прибывшие с новым транспортом, как пересчитывала утварь своей скромной кухни. Есть женщины, для которых ведение хозяйства—самое любимое, дорогое дело из всех работ. Таким женщинам место по хозяйственной, интендантской части в армии.

Когда грянула империалистическая война, английское правительство учло эту способность женщин налаживать и вести хозяйство. И кадры «военственных суффражисток», т. е. женщин,

которые боролись за женское равноправие и которые еще за месяц до войны били окна в парламенте и пугали министров безвредными взрывами игрушечных бомб, чтобы добиться избирательного права, были мобилизованы для обслуживания фронта по хозяйственной части.

И английские буржуазные женщины прекрасно справились со своей задачей. Почему же сомневаться в том, что работницы и крестьянки, одушевленные горячей верой в необходимость победы над миром капиталистов, не сумеют выполнить эту полезную и нужную работу? Взяв на себя хозяйскую часть, работницы разгрузили бы товарищей-мужчин от этой работы и освободили бы ценные силы работников, нужных в другом деле.

Комиссариат по Военным Делах должен в спешном порядке наладить курсы, где бы вместе с товарищами и работницы, и крестьянки могли получить основные сведения по интендантской, хозяйственной части, а дальше природная сметка женщин в деле хозяйства поможет им разобраться на практике в работе и применить свои способности на живом деле.

Те работницы, которых не манит агитация и которым не по сердцу работа санитарки, найдут другое, не менее важное, применение своим силам в налаживании хозяйственной части для Красного революционного фронта.

С винтовкой на фронт.

Но, скажут некоторые работницы, все те работы и обязанности, которые здесь перечислены,—это все подсобное, не главное дело, а мы—такие же борцы и гражданки, как наши товарищи-мужчины. Мы не боимся опасностей, мы не страшимся смерти ради великого дела освобождения рабочих. Нам бы винтовку на плечо, да на фронт.

Работницам и крестьянкам, которые так рассуждают, нет запрета выполнить свое заветное желание.

Советская Россия—первое в мире государство, которое не препятствует женщине вступать в ряды Красной армии наряду с рабочими и крестьянами. Буржуазные, капиталистические государства не допускали женщин на фронт. И даже правительство Керенского, хотя и призывало женщин к оружию, чтобы продолжать империалистическую войну и завоевать Дарданеллы русским промышленникам, все же опасалось открыть доступ жен-

щинами в армию в качестве обыкновенного рядового. Правительство Керенского организовало известные «Женские ударные батальоны», обособив работницу-рядового от рабочего-рядового. Почему же боится буржуазия допустить женщин в общую армию? Потому что буржуазия до сих пор смотрит на женщину, не как на самостоятельную гражданку, которая, обладая одинаковыми правами с мужчиной, обязана нести и одинаковые ~~только~~ придаток к мужчине. Буржуазия смотрит так: мужчина—глава государства и глава семьи; женщина—его послушная слуга, не несущая перед обществом самостоятельной ответственности. В минуты опасности, войны, женщины забиваются по своим углам, а мужчины их защищают.

С первого взгляда такое отношение к женщине кажется даже великодушным. Вот, мол, как буржуазия благородна, она жалеет слабый пол, берет его под защиту! Но, когда глубже осмыслить такое поведение буржуазного класса, то ясно становится, что тут дело не в «великодушии». Та же буржуазия великодушно и беспощадно эксплуатирует рабочих, губит ради своих карманных интересов их здоровье и молодость. Тут дело не в великодушии, а в страхе перед уравниванием женщины в правах с мужчиной. Если женщина, наравне с мужчиной, будет владеть винтовкой—конец старому рабству и зависимости женщин, что так удобно для буржуазного класса. Дать женщинам права—это уже громадная опасность для буржуазии, но дать ей еще и винтовки—значит только ускорить ее полное раскрепощение и независимость от мужчины. Буржуазии это невыгодно. Это противоречит всем взглядам и правам этого класса. Дать женщине винтовку—это значит признать ее во всех отношениях равноправной с мужчиной. Но этого мало. Буржуазия дрожит еще за целостность своей себялюбивой семьи. Являясь рассадником самого жуткого разврата, в тайне поощряющая проституцию, толкающая на торную дорожку не только взрослых девушек, но и детей, буржуазия лицемерно, для видимости, всегда хлопочет о «чистоте нравов». Участие женщин в войсках поведет только к деморализации, т. е. к развращению армии,—говорит буржуазия,—к тому, что на фронте воцарится сплошной разгул. Отчасти поэтому и Керенский боялся допустить женщин в армию на общих основаниях и вместе с Бочаровой организовывал печальной памяти ударные батальоны.

Скрывать не приходится—есть и среди наших товарищей такие, которые боятся допустить женщин в армию по тем же причинам, по которым Керенский создавал отдельные женские батальоны.

Правы—ли эти товарищи?

Нет, не правы. Не правы потому, что они тоже все еще смотрят на работницу и крестьянку не как на гражданку, несущую ответственность перед государством, а как на женщину в узком смысле слова. Им кажется, что где в перемену живут мужчины и женщины, там только и будет в мыслях, что ухаживание, да любовь. Но, пусть вспомнят товарищи, как же складывается сейчас жизнь рабочего и работницы? Разве не работают бок-о-бок мужчина и женщина во всех государственных и общественных учреждениях? Разве нет женщин в Советах, во всех рабочих коллективах? А на фабриках, на заводах? Какие тут мысли об ухаживании, о хорошенькой соседке, если чуть зазеваешься, и уже урок твой на браковку пошел!... На фронте работа требует еще большего напряжения, чем при работе в мастерской. Перед лицом смерти смолкают, отходят на задний план все другие человеческие чувства. Есть только солдат на посту и есть твой сосед—такой же солдат, как ты сам. Кто этот сосед? Откуда, как жил, есть ли у него семья—не знаешь, не расспрашиваешь, не думаешь. До того ли, когда все нервы напряжены, все мысли направлены в одну точку: отбить врага, защитить, отстоять восстание рабочих! Работница, в шинели рядового, несущего рядом с красноармейцем все трудности боевой жизни, перестает быть женщиной в глазах товарищей, она прежде всего—боевая единица, на которую рассчитывает рота, которая должна быть точно также на посту, как и любой красноармеец.

Дело другое—организация женщин, по примеру Керенского, в особые женские батальоны. Если что и может дать повод к нарушению рабочей, боевой дисциплины в армии, так это выделение женщин-рядовых, обособление их от красноармейцев-мужчин. Если женщины находятся в особых батальонах получается ненормальная картина: солдаты знают, что есть женщины на фронте, что их много.... Но они не работают плечо-к-плечу, как товарищи, а находятся на особом положении. До них не добираться! Они отделены от жизни солдата, в женский батальон без спроса и разрешения и не добираться!... И это сознание,

особенно в дни праздности, дразнит и раздражает воображение. Чем больше запретов, тем больше удали их преодолеть!... И вместо «чистоты нравов», о которой печется буржуазный класс, получается как раз противоположное, что вредно отзывается на работе и на дисциплине рабочей армии.

Другое дело, когда работница-красноармеец рядом с красноармейцем-рабочим переносит все трудности военной службы, вместе с ним мокнет под осенним дождем, мерзнет в халупах в зимнюю стужу, вязнет в придорожной грязи, выносит усталость, глядит в лицо опасности и мужественно ждет часа победы.

Та же участь, те же невзгоды, те же небольшие, но светлые радости и то же великое, несказанное счастье в час одержанной победы—это роднит солдат, это стирает грань между мужчинами и женщинами, это укрепляет между ними то чувство истинного товарищества, без которого не построить нам новый мир коммунизма!

Нет, страхи буржуазии напрасны, будто участие женщины в рядах армии создает разгул. Важно лишь, чтобы каждый солдат, рабочий или работница, твердо помнил, что сейчас—не прежняя война за чужое дело, а новая война, война-восстание угнетенных против угнетателей.

Если бояться допустить женщину на фронт, чтобы соблюсти нравы в армии, так следует вообще запретить женщинам показываться в прифронтовой полосе, следует не допускать ее ни в качестве санитарки, ни в качестве заведующей хозяйственной частью. Но так далеко не заходил даже буржуазный класс. Напротив, спрос на рабочие руки, обслуживающие фронт, заставил буржуазию, особенно в последнюю, империалистическую войну, открывать перед женщинами все большее и большее число занятий на фронте. Но если женщина находится в тех же отрядах в качестве санитарки, агитаторши, заведующей хозяйством, то почему же бояться допустить ее в ту же армию в качестве борца, с винтовкой на плече?

Социалисты всегда звали женщин на борьбу за лучшее будущее. Социалисты гордились тем, что женщины умеют показать себя истинными товарищами, способными умирать на баррикадах. Социалисты всегда учили работниц, что они еще больше, чем рабочие, заинтересованы в том, чтобы победить, разрушить старый империалистический мир.

Почему же теперь, когда идет борьба не на жизнь, а на

смерть между буржуазией и пролетариатом, бояться участия работниц и крестьянок в рядах тех, кто защищает рабочую революцию? Когда-то в буржуазном обществе, где у женщин не было никаких прав, женщины протестовали, что у них все обязанности, вся ответственность перед государством, как и у мужчин, а прав нет! Сейчас работницы должны сказать другое: не может и не должно быть прав в трудовом государстве без соответствующих обязанностей. Пролетариат должен научиться делить пополам между рабочим и работницей невзгоды, чтобы в момент победы установить и провести в жизнь полное равноправие мужчины и женщины.

Все те работницы, которые не находят себе дела по душе в тылу и которые думают, что они всего лучше послужат фронту в качестве рядовых или красных офицеров, могут и должны встать под ружье. Ведь дело идет не о войне грабителей и захватчиков, а о самообороне мирового пролетариата против мировых хищников.

И в этой самообороне работница так же заинтересована, как и рабочий. Надо только, чтобы работницы поняли, что сейчас идет уже не война, в прежнем смысле слова, а растянута на весь мир баррикада возставших рабов капитала.

Последний решительный бой.

Каждая сознательная работница и каждый рабочий знает, что в рабочем гимне—Интернационале—поется о последнем, решительном бое. Этот «решительный бой» настал. Рабочий класс поднялся против своих угнетателей; сначала в России и Финляндии, потом в Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии. Враги трудящихся ответили на это восстание—оружием, стали строить свои белогвардейские полки. Разгорелся бой. Тяжелый, кровопролитный, затяжной. Но это все же не война!

Когда в февральско-мартовские дни 1917 г. на улицах Петрограда и других городов России шла перестрелка между восставшим народом и «успокоителями», царскими жандармами и полицией, разве кто-нибудь назвал бы те бои войной? И разве могла бы работница, которая в те великие дни сказала бы: я против войны и военщины и потому не только не пойду с восставшими, но и мужа своего не пушу сражаться. Напротив, сознательная работница понимала, что, как ни тяжело проливать

человеческую кровь, как ни больно жертвовать близким человеком, посылая его в ряды восставших, но когда дело идет о правах угнетенного класса, нет жертвы, какой не принес бы сознательный пролетарий!....

Сейчас такое же восстание, революция обездоленного люда, только в большем размере, чем в марте 1917 г. Прежде бывали восстания рабочих и кровавые, баррикадные бои в одном городе, уезде, губернии, стране. Сейчас баррикадный бой грозит опоясать весь земной шар.

«Красный фронт» — с одной стороны, «белый» — с другой. Коммунисты всегда были и будут против войны, когда дело идет о явных или скрытых завоеваниях, о стремлениях какого-либо класса захватить власть, чтобы продолжать угнетение. Но коммунисты всегда звали рабочих не мириться со своей бесправной долей, а наоборот — сплотиться, организовать, чтобы в решительный час дать «последний бой» буржуазному миру.

Коммунисты проклинают и ненавидят империалистические войны, войны между народами за то, что эти войны сеют вражду между трудящимися, между пролетариями разных наций, и этим ослабляют силу и крепость рабочего Интернационала. Баррикадная война, та, что сейчас идет у нас, напротив, сплавляется тесными, душевными узами товарищества рабочих разных стран. Смешались рабочие-солдаты всех народов, забыты национальные деления. В Красной армии защищает Советскую власть и революцию не только русский, украинский, финский, латышский рабочий, но и французский, германский, венгерский, английский, американский пролетарий. Прежние войны разединяли рабочих. Красный фронт является школой товарищества, солидарности. В Красной армии учатся пролетарии разных стран понимать, что у всех у них один общий враг — мировые хищники-капиталисты. А с ростом солидарности, товарищества растет и крепнет рабочая революция и ярче сияет час окончательной победы.

Пусть же поймут работницы и крестьянки, что если Красный фронт зовет женщин на помощь, то потому, что победа Красного фронта — это надежда женщин; только полная победа коммунизма освободит женщину от бывшего рабства и утвердит полное равноправие мужчины и женщины.

Работницы и крестьянки, женщины бедноты! Красный фронт делает нужное, необходимое дело, он защищает свободу и пра-

на всех угнетенных. Пусть же загораются ваши сердца пламенным желанием отозваться на призыв Красного фронта. Если женщина во что-нибудь верует, она отдается этой вере без остатка, целиком. Так воспитали женщину века. В этом и сила, и слабость женщин. Но для фронта такая слепая, горячая, одухотворяющая вера нужна. Она бодрит, она поднимает дух, она разгоняет сомнения у колеблющихся, она творит чудеса!...

Когда-то давно, в XV столетии, в далекие, суровые, мрачные века средневековья юная крестьянская девушка Жанна Д'Арк, надев латы и шлем, встала во главе французского войска, чтобы очистить Францию от нашествия англичан. И эта крестьянская девушка своей непоколебимой верой в то, что Франция должна победить, сделала то, что не могли сделать самые искусные полководцы того времени: она воодушевила войска, она зажгла сердца их той верой, которой горела сама, и очистила Францию от врагов.

Таких крестьянских и рабочих девушек, которые непоколебимо верят, что рабочий класс должен победить своих врагов — мировых хищников-капиталистов, много сотен тысяч.

Где же их место? Разумеется, в той работе, которая обеспечивает победу Красному фронту. Пусть же своей самоотверженностью и горячей преданностью делу освобождения рабочих они поднимут дух товарищей, пусть в момент уныния, ропота, усталости разожгут сердца солдат Красного фронта жарким пламенем непоколебимой веры в победу.

Бьет колокол мировой революции.

Работницы и крестьянки бедноты! Готовьтесь вместе со всеми обездоленными к самообороне рабочего класса.

Настал час «последнего боя».

Все на защиту Красного фронта!

Все на работу до полного его торжества!